

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-3-124-136
EDN: ZTUKRJ

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ АРКТИЧЕСКОГО РЕГИОНА И ПРАКТИКИ ВОСПРОИЗВОДСТВА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА: ЕСТЬ ЛИ СВЯЗЬ?

Волков А. Д.^{1*}, Аверьянов А. О.^{1,2}, Рослякова Н. А.^{1,3}, Васильева А. В.¹

¹Отдел комплексных научных исследований Карельского научного центра
РАН (185910, Россия, Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11)

²Центр бюджетного мониторинга Петрозаводского государственного университета
(185910, Россия, Петрозаводск, Ленина 33)

³Институт проблем управления имени В. А. Трапезникова РАН
(117342, Россия, Москва, ул. Профсоюзная, 65)

*E-mail: kov8vol@gmail.com

Финансирование:

Статья подготовлена в рамках проекта Российского научного фонда № 23-78-10192. – URL: <https://rscf.ru/project/23-78-10192/>.

Для цитирования:

Волков А. Д., Аверьянов А. О., Рослякова Н. А., Васильева А. В. Социокультурные особенности населения Арктического региона и практики воспроизводства человеческого капитала: есть ли связь? // Народонаселение. – 2024. – Т. 27. – № 3. – С. 124-136. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-3-124-136; EDN: ZTUKRJ

Аннотация. Представленная работа посвящена изучению социокультурных особенностей населения Арктической Карелии и выявлению связей между этими особенностями и практиками воспроизводства человеческого капитала. Информационную основу составили данные опроса населения рассматриваемого региона (n=1042), осуществлённого осенью 2023 года. Решались задачи выявления значений социокультурных характеристик населения Арктической Карелии, а также их соотношения с планируемыми мерами и практиками респондентов в области воспроизводства человеческого капитала. Были выдвинуты гипотезы о связи между социокультурными характеристиками «избегание неопределённости» и «долгосрочность целеполагания» — с одной стороны, и характеристиками деятельности респондента — с другой. Применялись методы дисперсионного анализа, H-критерий Краскала-Уоллиса, тесты Тьюки (Tukey HSD test) и Даннета (Dunnnett's test). В результате исследования были выявлены социокультурные особенности населения Арктической Карелии. Подтвердились предположения о том, что значение показателя «избегание неопределённости» у предпринимателей ниже, чем в группе работающих по найму (бюджетная сфера и частный сектор), в то время как значение измерителя «долгосрочность целеполагания» наоборот — выше. Эти различия мы связываем также с особенностями возрастных групп, а также половой принадлежности респондентов. Представленные результаты вносят вклад в концептуальное обновление научной и информационной базы институционального проектирования Российской Арктики и призваны повысить качество управления.

Ключевые слова: социокультурные особенности, арктический регион, Арктика, Арктическая Карелия, модель Хофстеде, дистанция власти, избегание неопределённости, маскулинность.

Введение

В стратегии развития Арктической зоны РФ (АЗ РФ) и обеспечения национальной безопасности к перечню стратегических приоритетов страны в арктическом макрорегионе отнесены эффективное освоение стратегической ресурсной базы и её рациональное использование в целях ускорения экономического роста, обеспечение высокого качества жизни и благосостояния населения, охрана окружающей среды, защита исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов и так далее. Учитывая контекст обострения международной напряжённости, особую роль Арктики в обеспечении безопасности страны и важность поддержания контроля над арктическим пространством исключительное значение имеет обновление информационно-аналитических основ регулирования социально-экономических процессов на территории этого макрорегиона.

Исследование культурной специфики и отличий регионов и территорий Российской Арктики имеет особую актуальность по нескольким причинам и связано с: 1) отсутствием научных данных о культурной специфике арктических регионов, полученных с использованием единого стандартизированного инструментария, и подходящих для междисциплинарных экономико-социологических исследований; 2) своеобразием пространственных условий отбора институтов и культурных паттернов на территориях традиционного Севера и Арктической зоны; 3) особым историческим путём формирования сообществ в условиях Арктики, сочетающий в себе многонациональность и традиционность. Следует отметить, что на разных этапах заселения Российской Арктики осуществлялось как принудительное переселение народов и этнических групп, локализация заключённых (система ГУЛАГ), так и характерное для второй половины XX в. привлечение пассионарной молодёжи со всех концов СССР. Затем в постсоветский период – деградация экономики, обусловленная вы-

сокими издержками «северности» и несоответствием сложившейся модели освоения Севера новым реалиям. Особое значение имеет существование старожильского и коренного населения на части арктических территорий.

Таким образом, актуальность изучения социокультурных особенностей населения Арктики определяется тем, что арктический макрорегион ранее не подвергался детальному и всеобъемлющему изучению в контексте данной проблематики. С научной точки зрения, Арктика с её своеобразием исторического пути, формирования местных сообществ и крайне дифференцированными пространственными условиями развития экономики и общества представляет уникальный объект изучения взаимосвязи пространства, человеческого и социального капитала, культуры и институциональной среды в рамках воспроизводственных процессов. Ключевое внимание в рамках данной статьи уделено рассмотрению дифференциации значений социокультурных паттернов в муниципальном разрезе и анализу связей между социокультурными особенностями населения на муниципальном уровне и практиками воспроизводства человеческого капитала. Объектом исследования выступает регион Арктической Карелии: один городской округ (ГО), два муниципальных округа (МО) и три муниципальных района (МР). Цель работы — выявление связи между социокультурными характеристиками населения и практиками в области воспроизводства человеческого капитала.

Разработанность темы и методология исследования

Российскому обществу присуща определённая специфика социокультурного профиля населения [1–3]. При этом для разных территорий и социальных групп характерна свои социокультурные особенности. В исследованиях [4–7] рассматривается дифференциация регионов России по социокультурным характеристикам с применением различных исследователь-

ских фреймов. Изучение социокультурных различий в разрезе отдельных социальных групп позволило сделать ряд значимых наблюдений. Так, например, исследования показывают тяготение культурных установок предпринимателей, самозанятых и руководителей к западному менталитету [8], что позволяет говорить о связях между социокультурными характеристиками индивидов и практиками развития их человеческого капитала. В данном контексте едва ли уместно говорить об однонаправленных связях: экономическое развитие и динамика социокультурных характеристик находятся в диалектической взаимозависимости [9]. На страновом и макрорегиональном уровнях с применением эпидемиологического подхода получены свидетельства различий в накоплении человеческого капитала между группами мигрантов из различных стран во втором поколении [10].

В последние годы особое внимание исследователей уделяется индивидуальному уровню измерения социокультурных паттернов [11; 12], находящее широкое применение в анализе экономического поведения индивидов, например, [13]. Наиболее широко применяемым остаётся методологический подход, основанный на концепции Г. Хофстеде, оперирующий шестью измерителями: «маскулинность»/«феминность», «дистанция власти», «коллективизм»/«индивидуализм», «избегание неопределённости», «долгосрочность целеполагания», «допустимость удовлетворения желаний»/«сдержанность» [14]. Операционализация данного подхода применительно к индивидуальному уровню измерений представлена в работах [12; 15]; его развёрнутая русскоязычная апробация — в работе [16].

Настоящая статья нацелена на установление связи между социокультурными характеристиками населения и практиками в области воспроизводства человеческого капитала на материалах полевого исследования, проведённого в субрегионе Арктической Карелии в августе-октябре 2023 года. В первой части исследования решаются задачи выявления значений социокультур-

ных характеристик населения Арктической Карелии и её территорий. Во второй — осуществляется проверка гипотезы о зависимости социокультурных характеристик «избегание неопределённости» и «долгосрочность целеполагания» от характеристики деятельности респондента. В основе гипотезы лежит предположение о том, что значение показателя «избегание неопределённости» у предпринимателей ниже, чем в группе работающих по найму (бюджетная сфера и частный сектор), а показатель «долгосрочность целеполагания», наоборот, выше. Это предположение основано на том, что предприниматели занимаются деятельностью, сопряжённой с повышенными рисками, готовы действовать в изменяющейся обстановке, а значит, склонны в меньшей мере избегать неопределённости в социально-экономической среде и имеют соответствующие ценностные установки в области долгосрочности целеполагания [17; 18]. В рамках исследования были проверены две гипотезы: 1) H1: Средние значения показателя «избегания неопределённости» в группе предпринимателей ниже, чем в группе работающих по найму; 2) H2: Средние значения показателя «долгосрочность целеполагания» в группе предпринимателей выше, чем в группе работающих по найму. В третьей части исследования рассмотрена связь между значениями социокультурных характеристик и практиками воспроизводства человеческого капитала.

Информационную основу исследования составили данные опроса (осень 2023), проведённого среди постоянно проживающего населения в возрасте 15–72 лет (средний возраст — 43,9 лет). Объём выборки составил 1042 человек. Использовался смешанный метод сбора данных — преобладало личное интервьюирование по формализованному опроснику, для части респондентов анкета оставлялась для самостоятельного заполнения по месту жительства с предварительным инструктажем и последующей проверкой заполнения (с учётом актуальности эпидемиологической ситуации с COVID-19). Характеристики выборки представлены в табл. 1.

Таблица 1
Пространственное распределение выборки в разрезе исследуемых территорий, человек
Table 1
Spatial distribution of the sample in the context of the study areas, persons

Муниципальное образование Карелии	Женщины		Мужчины		Оба пола	
	Количество наблюдений	Средний возраст	Количество наблюдений	Средний возраст	Количество наблюдений	Средний возраст
Беломорский МО	74	48,6	68	43,4	142	46,1
Калевальский МР	58	49,0	42	47,7	100	48,5
Кемский МР	67	46,0	57	43,2	124	44,7
Костомукшский ГО	144	40,9	115	40,3	259	40,7
Лоухский МР	80	46,2	65	44,3	145	45,3
Сегежский МО	160	42,5	112	43,5	272	42,9
Всего	583	44,4	459	43,2	1042	43,9

Источник: расчёты авторов на основе данных опроса.

Результаты исследования

Значения шести социокультурных характеристик Г. Хофстеде в субрегионе Арктической Карелии, а также их детализация по полу и возрасту представлена в табл. 2.

Сравнивая социокультурные характеристики населения Арктической Карелии с данными более ранних исследований, проведённых по схожей методике на арктических территориях Архангельской области и Республики Коми [7] можно отметить, что

Таблица 2
Социокультурные характеристики Г. Хофстеде по полу и возрасту*
Table 2
G. Hofstede's sociocultural characteristics by gender and age

Группа		Показатель					
		col	ivr	ltowvs	mas	pdi	uai
Арктическая Карелия в целом		2,96	2,72	3,65	3,04	2,44	3,89
Пол	Женщины	2,99	2,64	3,71	2,74	2,39	3,83
	Мужчины	2,93	2,82	3,58	3,41	2,52	3,97
Возраст, лет	15–29	2,88	3,11	3,48	3,10	2,67	3,82
	30–44	2,85	2,78	3,65	3,07	2,41	3,88
	45–59	3,02	2,57	3,68	2,95	2,35	3,94
	60–72	3,13	2,45	3,80	3,04	2,39	3,93

* в таблице приняты следующие сокращения: коллективизм/индивидуализм – col; допустимость удовлетворения желаний – ivr; долгосрочность целеполагания – ltowvs; маскулинность/феминность – mas; дистанция власти – pdi; избегание неопределённости – uai.

Источник: расчёты авторов на основе данных опроса.

для населения рассматриваемого региона характерно в среднем большее принятие дистанции власти и соответствующих проявлений, склонность к избеганию неопределённых ситуаций и пониженная склонность к риску. Также население Арктиче-

ской Карелии в среднем больше тяготеет к допустимости удовлетворения желаний.

По показателю «пол» пять из шести культурных характеристик различаются статистически значимо (для оценки использовался t-тест, p-value <0,01), исключени-

ем является показатель «коллективизм» (p -value=0,14). Иные различия выявлены при анализе зависимости культурных характеристик от возраста. В ходе исследования, на основе результатов дисперсионного анализа, на основе результатов дисперсионного анализа было выявлено, что присутствует взаимосвязь между возрастом и паттернами «коллективизм», «допустимость удовлетворения желаний», «долгосрочность целеполагания» и «дистанция власти» (p value < 0,0001). Дополнительный анализ на основе теста Тьюки (Tukey HSD test) показал, что значимые различия наблюдаются между некоторыми категориями. Так, например, для культурной характеристики «коллективизм» статистически значимыми являются различия между возрастными группами «15–29 лет» и «60–72 лет», а также между группами «30–44 лет» с одной стороны, «45–59 лет» и «60–72 лет» с другой.

Наибольших значений показатель «маскулинности» достигается в возрастной

группе 15–29 лет (3,10), которая соответствует наиболее активному мужскому возрасту. Аналогичная тенденция характерна для показателя «допустимость удовлетворения желаний» (3,11). Оценка значений показателя «дистанции власти» также свидетельствует о наличии возрастной специфики, наибольшее значение этого показателя наблюдается в группе от 15 до 29 лет. Наибольшее значение показателя «долгосрочность целеполагания» приходится на старшую возрастную группу (3,80). Аналогичные тенденции характерны и для показателя «избегание неопределённости». Отметим, что полученные результаты сходны с ранее проведённым исследованиям. Так в работе [7] было выявлено, что показатели «маскулинность» и «допустимость удовлетворения желаний» у мужчин наиболее выражены, а также выявлена дифференциация значений показателей в зависимости от возраста респондентов.

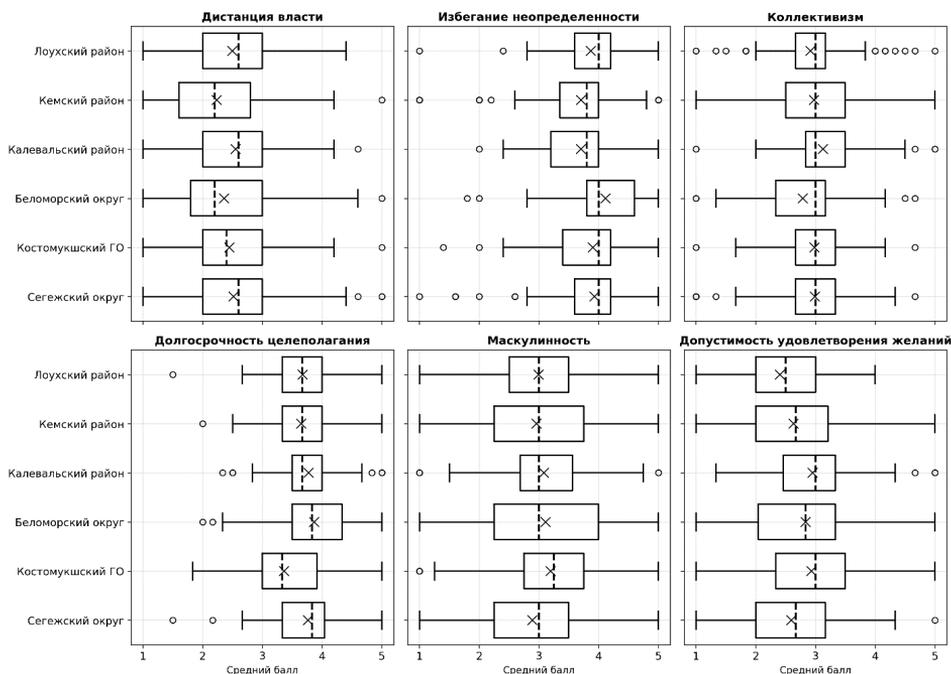

Рис. 1. Распределение значений социокультурных характеристик Г. Хофстеде в разрезе муниципальных образований Арктической Карелии

Fig. 1. Distribution of values of G. Hofstede's sociocultural characteristics in the context of municipal districts of Arctic Karelia

Источник: расчёты авторов на основе данных опроса.

На рис. 1 приведено распределение значений шести социокультурных характеристик Г.Хофстеде в разрезе муниципальных образований Арктической Карелии, среднее значение обозначено крестиком, медиана — пунктирной линией, выбросы отмечены кружками. В целом значения социокультурных характеристик Г.Хофстеде распределяются равномерно, однако анализ средних и медианных значений говорит о некоторых различиях. Для статистического сравнения мер центральной тенденции был использован дисперсионный анализ и Н-критерий Краскала-Уоллиса (Kruskal–Wallis test). Проведённый двухэтапный анализ выявил, что средние и медианные значения каждой из шести социокультурных характеристик у арктических районов Карелии различаются статистически значимо (дистанция власти: p -value $< 0,01$; избегание неопределённости: p -value $< 0,001$; коллективизм: p -value $< 0,01$; долгосрочность целеполагания: p -value $< 0,001$; маскулинность: p -value $< 0,01$; допустимость удовлетворения желаний: p -value $< 0,001$). Для выявления индивидуальных различий был проведён *post-hoc* анализ на основе теста Тьюки (Tukey HSD test), в некоторых случаях использовался тест Даннета (Dunnett's test), так как на общем фоне выделялся лишь один из исследуемых муниципалитетов.

В ходе анализа было выявлено, что для социокультурной характеристики «дистанция власти» статистически значимые различия оказались лишь у Кемского МР, с одной стороны, Калевальского МР (p -value = 0,028) и Костомукшского ГО, с другой (p -value = 0,009). Иная ситуация с характеристикой «избегание неопределённости» — статистически значимые различия наблюдаются между Беломорским МО и другими (p -value $< 0,01$), за исключением Сегежского МО. Показатель последнего в свою очередь отличен от показателя Кемского МР (p -value $< 0,01$).

Для характеристики «коллективизм» значимые различия были выявлены только между Калевальским МР и Беломорским МО (p -value $< 0,001$). Отметим, что такая разни-

ца обусловлена поляризацией этих двух арктических районов — в первом случае среднее значение социокультурной характеристики максимально среди других районов — 3,13, а во втором, наоборот, минимально — 2,79. Для характеристики «долгосрочность целеполагания» статистически значимые различия были выявлены между Костомукшским ГО и другими арктическими территориями Карелии (p -value $< 0,001$). В этом же районе наименьшее среднее значение анализируемой характеристики — 3,37.

Социокультурная характеристика «маскулинность» имеет статистически значимое различие лишь для одной пары регионов Костомукшский ГО и Сегежский МО. Как и в случае с измерителем «коллективизм» различие объясняется полярными значениями показателя: в Костомукшском ГО максимальное значение характеристики среди других арктических районов Карелии — 3,20, а в Сегежском МО минимальное — 2,89. Последняя характеристика, по которой проводился апостериорный анализ — «допустимость удовлетворения желаний». Фактически муниципалитеты разделились на две группы с более высоким и более низким показателями. В первую группу входят Калевальский МР (2,95), Костомукшский ГО (2,93) и Беломорский МО (2,83), во вторую — МР Кемский (2,63) и Лоухский (2,40), МО Сегежский (2,59).

При проведении анализа рассматривались следующие группы респондентов: «работаю по найму в бюджетной организации» — 271 человек, «работаю по найму на частном предприятии» — 235, «государственный/муниципальный служащий» — 112, «военнослужащий» — 23, «индивидуальный предприниматель, работаю сам(а) на себя» — 51 человек. По результатам дисперсионного анализа было выявлено наличие статистически значимых различий между группами занятости в средних значениях показателей «избегание неопределённости» ($F = 6,54$, p -value $< 0,0001$) и «долгосрочность целеполагания» ($F = 8,35$, p -value $< 0,0001$). В табл. 3 приведены средние значения социокуль-

Таблица 3

Средние значения социокультурных характеристик «избегание неопределённости» и «долгосрочность целеполагания» по группам занятости

Table 3

Average values of sociocultural characteristics «uncertainty avoidance» and «long-term goal setting» by employment groups

Группа занятости	Долгосрочность целеполагания	Избегание неопределённости
Работаю по найму в бюджетной организации	3,69	3,85
Государственный/муниципальный служащий	3,75	3,89
Военнослужащий	3,60	4,30
Работаю по найму на частном предприятии	3,46	4,02
Индивидуальный предприниматель, работаю сам	3,82	3,64
Среднее значение по всем категориям	3,62	3,90

Источник: расчёты авторов на основе данных опроса.

турных характеристик «избегание неопределённости» и «долгосрочность целеполагания» для каждой из этих групп.

Во избежание множественных сравнений при непосредственной проверке гипотез был использован тест Даннета, где в качестве контрольной группы использовались значения социокультурных характеристик группы «индивидуальный предприниматель, работаю сам(-а)», при расчётах в качестве альтернативной гипотезы использовалось предположение о смещении показателей других групп в одну сторону. Результат показал, что «долгосрочность целеполагания» в группе работающих на себя статистически значимо выше, лишь чем у «работающих по найму на частном предприятии» (p -value $<0,001$), при сравнении с другими группами статистически значимых различий нет (p -value $>0,05$). Аналогичные расчёты для социокультурной характеристики «избегание неопределённости» показывают, что средние значения этого показателя во всех группах статистически значимо выше, чем у группы работающих на себя (p -value $<0,05$).

Таким образом на основе проведённого анализа мы можем подтвердить гипотезу «Н1» — средние значения показателя «избегания неопределённости» в группе пред-

принимателей ниже, чем в группе работающих по найму, то есть предприниматели более предрасположены к действиям в рискованных и неопределённых ситуациях, требующих нетипового решения. Гипотеза «Н2» также в целом подтверждается — среднее значение показателя «долгосрочность целеполагания» в группе предпринимателей выше, чем во всех других рассматриваемых группах. Однако это различие носит статистически значимый характер только в отношении сравнения с группой «работающих по найму на частном предприятии», при сравнении с другими группами оно является менее выраженным. Необходимо отметить, что сравниваемые группы имеют разный объем, однако генерация выборок для этих групп в объёме, схожем с объёмом группы предпринимателей ($n \approx 50$) даёт сопоставимые результаты. В практическом аспекте данные результаты означают, что предприниматели в большей мере ориентированы на стратегическую перспективу в своих действиях.

В заключительной части исследования нами были рассмотрены соотношения между практиками воспроизводства человеческого капитала и выраженностью значимых социокультурных паттернов у населения Арктической Карелии (рис. 2).

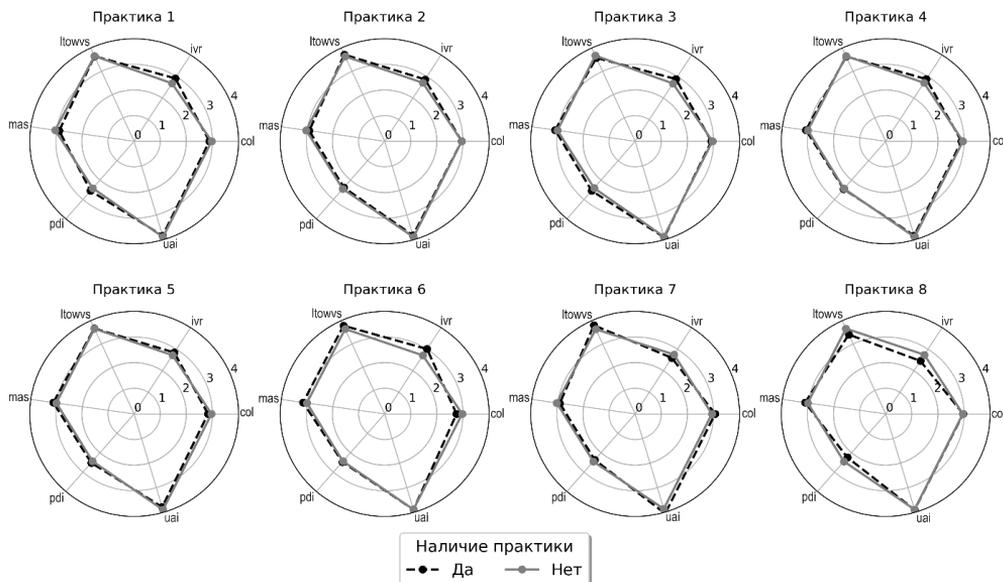

Рис. 2. Связанность социокультурных паттернов населения и планируемых мер (практик) в области повышения человеческого капитала
Fig. 2. Connectivity between sociocultural patterns of the population and planned measures in the field of increasing human capital (practices)

Источник: расчёты авторов на основе данных опроса.

Рассмотрены следующие планируемые меры и практики респондентов в рамках повышения своего благосостояния, включённые в инструментарий опроса населения при ответе на вопрос «Какие меры Вы планируете предпринять для увеличения вашего дохода и благосостояния?»: 1) получение образования или дополнительно образования (Практика 1); 2) повышение квалификации при прежнем профиле образования (Практика 2); 3) поиск новой работы (Практика 3); 4) формирование профессиональных связей (Практика 4); 5) формирование неформальных связей (Практика 5); 6) переезд при переводе по работе или при поиске работы (Практика 6); 7) улучшение здоровья (Практика 7); 8) ничего не планирую, меня всё устраивает (Практика 8).

Наибольшие отличия в социокультурных паттернах и теми респондентами, которые не планируют данную практику, наблюдаются среди респондентов, планирующих 1) «получение образования или допол-

нительного образования» по измерителю «допустимость удовлетворения желаний»; 2) «поиск новой работы» по измерителю «допустимость удовлетворения желаний»; 3) «формирование профессиональных связей» по измерителю «допустимость удовлетворения желаний»; 4) «переезд при переводе по работе или при поиске работы» по измерителю «коллективизм» (в меньшую сторону) и по измерителю «допустимость удовлетворения желаний» (в большую сторону). Среди респондентов, не планирующих ничего для увеличения своего благосостояния, относительно низки значения паттернов «долгосрочности целеполагания», «допустимости удовлетворения желаний» и «дистанции власти».

Полученную картину связей между социокультурными характеристиками и планируемыми мерами (практиками) по повышению благосостояния мы объясняем в первую очередь возрастом респондентов и присущими отдельным возрастным группам особенностями паттернов.

Выводы и обсуждение результатов

Применение методологии Г. Хофстеде в измерении социокультурных паттернов поведения населения Арктической Карелии позволило получить ряд значимых наблюдений. Выявлены статистически значимые различия в значениях пяти из шести паттернов в разрезе пола респондентов (p -value $< 0,01$), исключением является показатель «коллективизм» (p -value = 0,14). В ходе исследования на основе результатов дисперсионного анализа было выявлено, что присутствует связь между возрастом и паттернами «коллективизм», «допустимость удовлетворения желаний», «долгосрочность целеполагания» и «дистанция власти», однако эта связь различна по своей выраженности между отдельными возрастными группами.

В ходе исследования была также выявлена определённая дифференциация в социокультурном профиле различных территорий Арктической Карелии, однако они носят локальный характер: отдельные значения измерителей различаются в попарном сравнении территорий или в тройках. Наиболее значимые с точки зрения цели исследования результаты были получены при анализе различий социокультурных характеристик между отдельными социальными группами по характеру занятости в средних значениях показателей «избегание неопределён-

ности» и «долгосрочность целеполагания». Средние значения показателя «избегание неопределённости» во всех группах выше, чем в группе работающих на себя (различия всех групп в отношении группы предпринимателей статистически значимы). При рассмотрении показателя «долгосрочность целеполагания» средние значения в группе работающих на себя выше, чем в других группах. Анализ связи между социокультурными характеристиками и планируемыми практиками воспроизводства человеческого капитала показал отличия, которые мы объясняем прежде всего большей или меньшей распространённостью отдельных практик в разных возрастных группах.

Представленные результаты вносят вклад в концептуальное обновление научной и информационной базы институционального проектирования и разработки управленческих решений в сфере обеспечения социальной интеграции пространства Арктической Карелии, совершенствования преференциального режима инвестиционной деятельности этого региона. В частности, развитие представленных наработок и распространение исследований на другие регионы АЗ РФ будет востребовано в рамках спецификации государственных программ стимулирования предпринимательской активности населения и самозанятости, взаимодействия власти и бизнес-сообщества, деятельности в сфере НКО.

Литература и Интернет-источники

1. **Аксенова, О. В.** Асимметрия жизни современного российского общества: соотношение традиций и инноваций / О. В. Аксенова, Н. В. Левченко, А. М. Пахарь [и др.]. — Москва : ФНИСЦ РАН, 2017. — 207 с.
2. **Латова, Н. В.** Культурная специфика россиян (этнометрический анализ на основе концепции Г. Хофстеде) / Н. В. Латова // Вестник Института социологии. — 2016. — № 4(19). — С. 155–179. EDN: XWETNN
3. **Chimenson, D.** The paradox and change of Russian cultural values / D. Chimenson, R. L. Tung, A. Panibratov, T. Fang // International Business Review. — 2022. — Vol. 31. — Iss. 3. — P. 101944. DOI: 10.1016/j.ibusrev.2021.101944
4. **Minkov, M.** Is «regional culture» a meaningful concept? Cultural differences across 60 Russian regions / M. Minkov, B. Sokolov, E. Ponarin, A. Almakaeva, E. Nastina // Cross Cultural & Strategic Management. — 2023. — Vol. 30. — No. 3. — P. 637–656. DOI: 10.1108/CCSM-07-2022-0126
5. **Бахтигараева, А. И.** Социокультурные особенности регионов России: общее и различия / А. И. Бахтигараева, В. А. Брызгалин, Е. Н. Никишина, Н. А. Припузова // Вестник Московского

- университета. Сер. 6. Экономика. — 2021. — № 5. — С. 29–51. DOI: 10.38050/01300105202152; EDN: SJQDKA
6. **Брызгалин, В. А.** Существует ли региональная социокультурная специфика в России? Возможности использования социокультурного подхода в экономике / В. А. Брызгалин, Е. Н. Никишина // Вопросы экономики. — 2020. — № 7. — С. 108–126. DOI:10.32609/0042-8736-2020-7-108-126; EDN: VRFWXN
 7. **Волков, А. Д.** Социокультурные особенности населения арктических регионов России / А. Д. Волков, С. В. Тишков, А. О. Аверьянов // Народонаселение. — 2023. — Т. 26. — № 2. — С. 52–65. DOI: 10.19181/population.2023.26.2.5; EDN: WDCJDX
 8. **Латова, Н. В.** Производственная культура рабочих современной России как элемент их человеческого капитала (этнометрический анализ на основе концепции Г. Хофстеде) / Н. В. Латова // Мир России. Социология. Этнология. — 2017. — Т. 26. — № 3. — С. 36–63. EDN: YZIDDV
 9. **Аузан, А. А.** Социокультурная экономика: как культура влияет на экономику, а экономика — на культуру: курс лекций / А. А. Аузан, Е. Н. Никишина. — Москва : Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова. — 2021. — 200 с.
 10. **Van Hoorn, A.** Cultural determinants of human capital accumulation: Evidence from the European Social Survey / A. van Hoorn // Journal of Comparative Economics. — 2019. — Vol. 47. — Iss. 2. — P. 429–440. DOI: 10.1016/j.jce.2019.01.004
 11. **Minkov, M.** Transposition of the Minkov-Hofstede Model of Culture to the Individual Level of Analysis: Evidence from Mongolia / M. Minkov, B. Sokolov, M. Tasse [и др.] // Cross-Cultural Research. — 2023. — No. 57(2–3). — P. 264–293. DOI: 10.1177/10693971231153461
 12. **Yoo, B.** Measuring Hofstede’s five dimensions of cultural values at the individual level: development and validation of CVSCALE / B. Yoo, N. Donthu, T. Lenartowicz // Journal of International Consumer Marketing. — 2011. — Vol. 23(3–4). — P. 193–210. DOI: 10.1080/08961530.2011.578059
 13. **Khan, O.** The influence of cultural differences on consumers’ willingness to pay more for sustainable fashion / O. Khan, N. Varaksina, A. Hinterhuber // Journal of Cleaner Production. — 2024. — Vol. 442. — P. 141024. DOI: 10.1016/j.jclepro.2024.141024
 14. **Hofstede, G.** Cultures and organizations: Software of the mind. Revised and expanded / G. Hofstede, G. J. Hofstede, M. Minkov. — New York : McGraw-Hill, 2010. — 561 p.
 15. **Heydari, A.** Hofstede’s individual-level indulgence dimension: Scale development and validation / A. Heydari, M. Laroche, M. Paulin, M. O. Richard // Journal of Retailing and Consumer Services. — 2021. — Vol. 62. — P. 102640. DOI: 10.1016/j.jretconser.2021.102640
 16. **Волков А. Д.** Измерение социокультурных характеристик по шести показателям модели Хофстеде: апробация инструментария для расчёта значений на индивидуальном уровне / А. Д. Волков, А. О. Аверьянов, Н. А. Рослякова, С. В. Тишков // Вестник Института социологии. — 2024. — Т. 15. — № 1. — С. 43–69. DOI: 10.19181/vis.2024.15.1.4; EDN: UVPWKI.
 17. **Мурзина, Ю. С.** Сравнительный анализ ценностных ориентаций владельцев малого бизнеса с разной продолжительностью работы компаний на рынке / Ю. С. Мурзина, В. П. Позняков, С. М. Дьячков, А. В. Язовских // Организационная психология. — 2021. — Т. 11. — № 4. — С. 9–35.
 18. **Позняков, В. П.** Взаимосвязь смысложизненных и ценностных ориентаций личности предпринимателей и характеристик их экономического самоопределения / В. П. Поздняков // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. — 2021. — Т. 6. — № 1(21). — С. 150–170. DOI: 10.38098/ipran.sep.2021.21.1.006

Информация об авторах:

Волков Александр Дмитриевич, к.э.н., старший научный сотрудник, Отдел комплексных научных исследований Карельского научного центра РАН, Петрозаводск, Россия.

Контактная информация: e-mail: kov8vol@gmail.com; ORCID: 0000-0003-0451-8483; РИНЦ SPIN-код: 2133–8597.

Аверьянов Александр Олегович, младший научный сотрудник, Отдел комплексных научных исследований Карельского научного центра РАН; ведущий специалист Центра бюджетного мониторинга Петрозаводского государственного университета, Петрозаводск, Россия.
Контактная информация: e-mail: aver@petrsu.ru; ORCID: 0000-0003-2884-8110; РИНЦ SPIN-код: 1194-8767.

Рослякова Наталья Андреевна, к.э.н., старший научный сотрудник, Отдел комплексных научных исследований Карельского научного центра РАН; Институт проблем управления имени В. А. Трапезникова РАН, Москва, Россия.
Контактная информация: e-mail: na@roslyakova24.ru; ORCID: 0000-0002-7511-2141; РИНЦ SPIN-код: 7405-4998.

Васильева Анастасия Владимировна, к.э.н., старший научный сотрудник, Отдел комплексных научных исследований Карельского научного центра РАН, Петрозаводск, Россия.
Контактная информация: e-mail: vasnask@gmail.com; ORCID: 0000-0002-6019-819X; РИНЦ SPIN-код: 2815-9484.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-3-124-136

SOCIO-CULTURAL FEATURES OF THE POPULATION OF THE ARCTIC REGION AND PRACTICES OF HUMAN CAPITAL REPRODUCTION: IS THERE A CONNECTION?

Alexander D. Volkov^{1*}, Alexander O. Averianov^{1,2},
Natalia A. Roslyakova^{1,3}, Anastasia V. Vasilieva¹

¹Department of Multidisciplinary Scientific Research of the Karelian Research Center RAS (11 Pushkinskaya str., Petrozavodsk, Russia, 185910)

²Budget Monitoring Center of Petrozavodsk State University
(33 Lenina str., Petrozavodsk, Russia, 185910)

³V. A. Trapeznikov Institute of Control Science RAS
(65 Profsoyuznaya str., Moscow, Russia, 117997)

*E-mail: kov8vol@gmail.com

Funding:

The research was carried out within the RSF project No. 23-78-10192. URL: <https://rscf.ru/project/23-78-10192/>.

For citation:

Volkov A. D., Averianov A. O., Roslyakova N. A., Vasilieva A. V. Socio-cultural features of the population of the Arctic region and practices of human capital reproduction: is there a connection? *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. 3. P. 124-136. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-3-124-136 (in Russ.)

Abstract. *The presented work is devoted to study of the sociocultural characteristics of the population of Arctic Karelia and identification of the connections between these characteristics and practices of human capital reproduction. The information basis was made up of the data from a survey of the population of the region under consideration (n=1042), carried out in the fall of 2023. The tasks of identifying the values of sociocultural characteristics of the population of Arctic Karelia and its territories, as well as identifying the relationships between the values of sociocultural characteristics and the planned measures and practices of respondents in the field of human capital reproduction were solved. Hypotheses were put forward about the connection between the sociocultural characteristics «uncertainty avoidance» and «long-term goal setting» on the one hand, and the characteristics of respondent's activity on the other hand. Methods of analysis of variance, Kruskal-Wallis H test, Tukey HSD test and Dunnett's test were used. As a result of the study, the sociocultural characteristics of the population of Arctic Karelia were identified. The assumptions were confirmed that the value of the*

«uncertainty avoidance» indicator among entrepreneurs is lower than in the group of employees (public sector and private sector), while the value of the «long-term goal setting» indicator, on the contrary, is higher. While the differences in the planned measures for development of human capital between respondents have certain correspondences with the differentiation of sociocultural characteristics, we associate them primarily with characteristics of age groups, as well as gender of respondents. The presented results contribute to conceptual updating of the scientific and information base of the institutional designing of the Russian Arctic and are intended to lay the information and analytical foundations for a general improvement in the quality of governance.

Keywords: sociocultural characteristics, Arctic region, Arctic, Arctic Karelia, Hofstede model, power distance, uncertainty avoidance, masculinity.

References and Internet sources

1. Aksenova O. V., Levchenko N. V., Pakhar A. M., Pisarevsky V. G., Podlesnaya M. A., Podyachev K. V., Ryazantsev I. P., Khaly I. A. Asimmetriya zhizni sovremennogo rossijskogo obshchestva: sootnosheniye traditsij i innovatij [Asymmetry of Life in Modern Russian Society: the Relationship between Traditions and Innovations]. Moscow. FNISTS RAN [FCTAS RAS]. 2017. 207 p. (in Russ.)
2. Latova N. V. Kul'turnaya spetsifika rossiyan (etnometricheskii analiz na osnove kontseptsii G. Hofsteda) [Cultural specificity of Russians (ethnometric analysis based on the concept of G. Hofstede)]. Vestnik Instituta sotsiologii [Bulletin of the Institute of Sociology]. 2016. No. 19. P. 155–179. (in Russ.)
3. Chimenson D., Tung R. L., Panibratov A., Fang T. The paradox and change of Russian cultural values. *International Business Review*. 2022. Vol. 31. Iss. 3. P. 101944. DOI: 10.1016/j.ibusrev.2021.101944
4. Minkov M., Sokolov B., Ponarin, E., Almakaeva A., Nastina, E. Is «regional culture» a meaningful concept? Cultural differences across 60 Russian regions. *Cross Cultural & Strategic Management*. 2023. Vol. 30. No. 3. P. 637–656. DOI: 10.1108/CCSM-07-2022-0126
5. Bakhtigaraeva A. I., Bryzgalin V. A., Nikishina E. N., Pripuzova N. A. Sotsiokul'turnye osobennosti regionov Rossii: obshcheje i razlichiya [Sociocultural specifics of Russia's regions: common features and differences]. Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 6: Ekonomika [Moscow University Economic Bulletin]. 2021. No. 5. P. 2951. DOI: 10.38050/01300105202152 (in Russ.)
6. Bryzgalin V. A., Nikishina E. N. Sushchestvujet li regional'naya sotsiokul'turnaya spetsifika v Rossii? Vozmozhnosti ispol'zovaniya sotsiokul'turnogo podkhoda v ekonomike [Is there a regional culture in Russia? Opportunities of using a sociocultural approach in economics]. Voprosy Ekonomiki [Economic Issues]. 2020. No. 7. P. 108126. DOI: 10.32609/0042-8736-2020-7-108-126 (in Russ.)
7. Volkov A. D., Tishkov S. V., Averyanov A. O. Sotsiokul'turnye osobennosti naseleniya arkticheskikh regionov Rossii [Socio-cultural features of the population of the Russian Arctic regions]. *Narodonaselenie [Population]*. 2023. Vol. 26. No. 2. P. 52–65. DOI: 10.19181/population.2023.26.2.5 (in Russ.)
8. Latova N. V. Proizvodstvennaya kul'tura rabochikh sovremennoj Rossii kak element ikh chelovecheskogo kapitala (etnometricheskij analiz na osnove kontseptsii G. Hofsteda) [The industrial culture of modern Russian workers as an element of their human capital: an ethnometric analysis using Hofstede's model]. *Mir Rossii [Universe of Russia, Sociology. Ethnology]*. 2017. Vol. 26. No. 3. P. 36–63. DOI: 10.17323/1811-038X-2017-26-3-36-63 (in Russ.)
9. Auzan A. A., Nikishina E. N. Sotsiokul'turnaya ekonomika: kak kul'tura vliyaet na ekonomiku, a ekonomika — na kul'turu: kurs leksij [Socio-Cultural Economics: How Culture Affects the Economy, and How the Economy Influences Culture. A course of lectures]. Moscow. MGU imeni M. V. Lomonosova [Lomonosov Moscow State University]. 2021. 200 p. (in Russ.)
10. van Hoorn A. Cultural determinants of human capital accumulation: Evidence from the European Social Survey. *Journal of Comparative Economics*. 2019. Vol. 47. Iss. 2. P. 429–440. DOI: 10.1016/j.jce.2019.01.004
11. Minkov M., Sokolov B., Tasse M. A., Jamballu, E., Schachner M., Kaasa A. A transposition of the Minkov-Hofstede model of culture to the individual level of analysis: evidence from Mongolia. *Cross-Cultural Research*. 2023. No. 57(2–3). P. 264–293. DOI:10.1177/10693971231153461

12. Yoo B., Donthu N., Lenartowicz T. Measuring Hofstede's five dimensions of cultural values at the individual level: development and validation of CVSCALE. *Journal of International Consumer Marketing*. 2011. Vol. 23(3–4). P. 193–210. DOI: 10.1080/08961530.2011.578059
13. Khan O., Varaksina N., Hinterhuber A. The influence of cultural differences on consumers' willingness to pay more for sustainable fashion. *Journal of Cleaner Production*. 2024. Vol. 442. P. 141024. DOI: 10.1016/j.jclepro.2024.141024
14. Hofstede G., Hofstede G. J., Minkov M. *Cultures and Organizations: Software of the Mind*. Revised and expanded. New York. McGraw-Hill. 2010. 561 p.
15. Heydari A., Laroche M., Paulin M., Richard M. O. Hofstede's individual-level indulgence dimension: Scale development and validation. *Journal of Retailing and Consumer Services*. 2021. Vol. 62. P. 102640. DOI: 10.1016/j.jretconser.2021.102640
16. Volkov A. D., Averyanov A. O., Roslyakova N. A., Tishkov S. V. Izmereniye sotsiokul'turnykh kharakteristik po shesti pokazatelyam modeli Khofstede: aprobatsiya instrumentariya dlya raschota znachenij na individual'nom urovne [Measuring sociocultural characteristics according to the six indicators of the Hofstede model: testing the toolkit for calculating values at the individual level]. *Vestnik instituta sotsiologii [Bulletin of the Institute of Sociology]*. 2024. Vol. 15. No. 1. P. 43–69. DOI: 10.19181/vis.2024.15.1.4 (in Russ.)
17. Murzina J. S., Pozniakov V. P., Dyachkov S. M., Yazovskikh A. V. Sravnitel'nyy analiz tsennostnykh orientatsij vladel'tsev malogo biznesa s raznoj prodolzhitel'nost'yu raboty kompanij na rynke [Comparative study of the value orientations of small business owners with different durations of companies in the market]. *Organizatsionnaya psikhologiya [Organizational Psychology]* 2021. Vol. 11. No. 4. P. 9–35. (in Russ.)
18. Poznyakov V. P. Vzaimosvyaz' smyslozhiznennykh i tsennostnykh orientatsij lichnosti predprinimatelej i kharakteristik ikh ekonomicheskogo samoopredeleniya [The relationship of life and value orientations of entrepreneurs and the characteristics of their economic self-determination]. *Institut psihologii Rossijskoj akademii nauk. Sotsial'naya i ekonomicheskaya psihologiya [Institute of Psychology Russian Academy of Sciences. Social and Economic Psychology]*. 2021. Vol. 6. No. 1(21). P. 150–170. DOI: 10.38098/ipran.sep.2021.21.1.006 (in Russ.)

Information about the authors:

Volkov Alexander Dmitrievich, Candidate of Economics, Senior Researcher, Department of Multidisciplinary Scientific Research of the Karelian Scientific Center RAS, Petrozavodsk, Russia.

Contact information: e-mail: kov8vol@gmail.com; ORCID: 0000-0003-0451-8483; Elibrary SPIN- code: 2133–8597.

Averyanov Alexander Olegovich, Junior Researcher, Department of Multidisciplinary Scientific Research of the Karelian Research Center RAS; Leading Specialist, Budget Monitoring Center of Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia.

Contact information: e-mail: aver@petrsu.ru; ORCID: 0000-0003-2884-8110; Elibrary SPIN- code: 1194–8767.

Roslyakova Natalia Andreevna, Candidate of Economics, Senior Researcher, Department of Multidisciplinary Scientific Research of the Karelian Scientific Center RAS; V. A. Trapeznikov Institute of Control Science RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: na@roslyakova24.ru; ORCID: 0000-0002-7511-2141; Elibrary SPIN- code: 7405–4998.

Vasilieva Anastasia Vladimirovna, Candidate of Economics, Senior Researcher, Department of Multidisciplinary Scientific Research of the Karelian Scientific Center RAS, Petrozavodsk, Russia.

Contact information: e-mail: vasnask@gmail.com; ORCID: 0000-0002-6019-819X; Elibrary SPIN- code: 2815–9484.

Статья поступила в редакцию 13.02.2024, утверждена 12.08.2024, опубликована 30.09.2024.